

Восприятие творчества И. С. Тургенева во Франции и Англии XIX века

А. Р. ОЩЕПКОВ

(ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. А. С. ПУШКИНА)*

В статье показано, что с середины (и почти до конца) XIX столетия в обеих крупнейших европейских странах Тургенев воспринимался как центральная и наиболее представительная фигура современной русской литературы. Между тем образ Тургенева во Франции был отчетливее, чем в Англии, что было обусловлено большей ассоциированностью Тургенева с французской литературной средой.

Ключевые слова: русская литература, литературный процесс, творчество Тургенева, литературная рецепция.

Perception of I. S. Turgenev's Creative Work in France and England of the XIX Century

A. R. OSHCHEPKOV

(A. S. PUSHKIN STATE INSTITUTE OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

Abstract: In the article it is illustrated that from the middle (and almost till the end) of the XIX century both in the largest European countries Turgenev was being perceived as the central and most representative figure of the modern Russian literature. Meanwhile the image of Turgenev in France was more distinct than in England. This fact was due to a wider associativity of Turgenev with French literature environment.

Keywords: Russian literature, literary process, Turgenev's art, literature reception.

Во второй половине XIX века именно И. С. Тургенев представлял «лицо» русской литературы во Франции и в Англии. Ни один русский писатель не вызывал столь пристального внимания критики, газет и журналов, не был переводим с такой регулярностью, как Тургенев. Можно утверждать, что серьезное освоение русской литературы во Франции и Англии началось с Тургенева.

Знакомство французов и англичан с творчеством русского писателя состоялось в середине 1850-х годов. Первым его произведением, переведенным на французский и английский языки, были «Записки охотника» (1847–1852). Приоритет принадлежал французам: в 1854 г. в Париже был опубликован перевод «Записок охотника», сделанный Эрнестом Шарьером. Это было достаточно вольное переложение оригинала. Так, например, название книги было заменено на

«Воспоминания русского помещика» («Mémoires d'un seigneur russe»). Перевод Шарьера вызвал недовольство автора «Записок охотника», который в своем письме С. Т. Аксакову от 7 августа 1854 г. сетовал: «Получил я наконец французский перевод моих «Записок» — и лучше бы, если б не получал их! Этот г-н Шарриер черт знает что из меня сделал — прибавлял по целым страницам, выдумывал, выкидывал — до невероятности...» (Тургенев, 1961: 224–225).

Однако именно перевод Шарьера стал основой для первого перевода Тургенева на английский язык. В 1855 г. Джеймс Майклджен опубликовал свой перевод шарьеровской версии «Записок охотника».

Крупнейшие парижские и лондонские газеты и журналы («Ревю де де монд», «Фрэзерс мэгэзин», диккенсовский «Хаусхолд везд» и др.) в 1850–1860-х годах регулярно

* Ощепков Алексей Романович — доцент кафедры мировой литературы Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, кандидат филологических наук. Тел.: (495) 335-07-33. Эл. адрес: aoshhepkov@yandex.ru

печатают новые переводы произведений Тургенева. В 1858 г. выходит новый, авторизованный перевод на французский язык «Записок охотника», выполненный литературным критиком Анри-Ипполитом Делаво. В Англии в течение довольно длительного времени обычной переводческой практикой было делать переводы тургеневских произведений не с русского оригинала, а с иноязычных (прежде всего французских) переводов. Только в конце 1860-х годов в Англии были опубликованы первые переводы из Тургенева с русского языка. Во Франции переводчиками Тургенева выступали П. Мериме, (в 1863 г. были переведены «Отцы и дети»; перевод был отредактирован Тургеновым), Л. Виардо, Дюран-Гревиль, Э. де Пори и др. Некоторые переводы на французский были сделаны самим Тургеновым.

Переводчиками Тургенева в XIX веке в Англии были У. Ролстон, Ч. Тернер, Э. Дилк и др. Ролстон и Тернер сделали первые переводы с русского языка: Ролстон в 1869 г. опубликовал свой перевод «Дворянского гнезда», вышедший под названием «Лиза»; Тернер в 1877 г. напечатал перевод романа «Накануне». Однако полностью художественные сочинения Тургенева на английский язык в XIX веке так и не были переведены. Эта заслуга принадлежит известной английской переводчице Констанс Гарнетт, внесшей особый вклад в ознакомление английской читающей публики с Тургеновым и ставшей на рубеже XIX–XX веков автором классических и лучших переводов Тургенева на английский язык. К. Гарнетт перевела все романы писателя, его повести и рассказы, а также несколько пьес и стихотворения в прозе.

Впервые во Францию Тургенов приехал в 1847 г. Он был знаком с крупнейшими французскими писателями В. Гюго, Ж. Санд, П. Мериме. Именно Мериме познакомил литературную Францию с Тургеновым (см.: Лада-рия, 1987). Позже, в 1860–1870-х годах, Тургенов сближается с Флобером, Э. Золя, Э. де Гонкуром, А. Доде, Ги де Мопассаном. Последний называл себя учеником Тургене-

ва. Произведения Тургенева, хорошо знакомые литературной элите Франции, образованному классу и высоко ими оцененные, никогда на протяжении XIX века не имели во Франции широкого читателя, даже его роман «Отцы и дети», переведенный П. Мериме в 1863 г. (Didier, 1967).

Последние двадцать лет жизни Тургенов прожил во Франции. Конечно, во французскую литературную среду он был инкорпорируется значительно глубже и теснее, чем в английскую, поэтому образ Тургенева во Франции отчетливее, чем в Англии.

Знакомство Тургенева с Англией состоялось на десять лет позже, чем с Францией. Впервые писатель приехал в Англию в 1857 г. Впоследствии Тургенов неоднократно бывал в Англии, познакомился с такими известными английскими писателями, как Т. Карлейль, Д. Элиот, А. Теннисон, получил степень почетного доктора Оксфордского университета. В 1870 г. с началом франко-прусской войны Тургенов переезжает в Лондон. В 1875 г. в Париже состоялось личное знакомство Тургенева с Генри Джеймсом, который станет одним из самых активных пропагандистов творчества русского писателя в Англии, где американский писатель поселится с конца 1876 г.

Между тем в некотором отношении влияние Тургенева на французскую публику было более глубоким, чем на английскую. Читающая Франция не просто оценила художественные достоинства романов и повестей русского писателя, но сквозь призму его произведений воспринимала Россию. Так, например, литератор и издатель парижского журнала «Нувель ревью» Жюльетта Адан признавалась, что именно благодаря Тургенову она составила представление о России (ibid.: 387). Французский исследователь Шарль Корбе утверждает, что Тургенов внес существенный вклад в подготовку русско-французского альянса (ibid.).

В 1867 г. А. де Ламартин в 23-й книге своего ежемесячного обозрения «Cours familier de litterature» публикует несколько рассказов из «Записок охотника» со своим ком-

ментарием, в котором, в частности, отмечает такие особенности тургеневского таланта, как изящество, правдивость и самобытность. «До него в России не было ничего подобного. Это Бальзак лесов и степей» (Lamartine, 1867: 76).

П. Мериме в «Монитер универсель» 25 мая 1868 г. печатает статью «Иван Тургенев». Хорошо лично знакомый с Тургеневым, Мериме в своем небольшом очерке не дает никаких биографических сведений о русском писателе или его психологического портрета. Ничего не узнает читатель и о мировоззрении Тургенева. Оставляя в стороне Тургенева-человека, Мериме полностью концентрируется на Тургеневе-художнике. Мериме высоко оценивает тонкую наблюдательность Тургенева, его мастерство создания многогранного, неоднозначного реалистического характера, искусство психологической детали и лирического пейзажа, а также простоту фабулы тургеневских повествований. «Беспристрастная любовь к истине — вот главная черта творчества г-на Тургенева, и он никогда ей не изменяет» (Мериме, 2003: 80). В сущности, Мериме видит в Тургеневе наследника традиций пушкинской прозы. Хотя имя Пушкина нигде не упоминается в статье, очевидно, что, с точки зрения Мериме, Тургенева сближает с его великим предшественником лаконизм, изящество, простота и сдержанность стиля, точность образа, умение просто и ясно передать самую суть явления. Ну и, конечно, с Пушкиным автора «Отцов и детей» роднит гуманизм. «Г-н Тургенев старается отыскать добро всюду, где оно может быть открыто. Он находит возвышенные черты даже в самых низменных натурах» (там же: 87). Спорадические отступления Тургенева от той «поэтики литоты» (Д. Кути), которую исповедовал сам Мериме, вызывают нарекания французского писателя, который отмечает в качестве недостатков «некоторые длинноты и обилие подробностей».

В 1883 г. очерк «Иван Тургенев» опубликовал Ги де Мопассан. Это живой, эмоцио-

нальный отклик на кончину писателя, с которым Мопассан был хорошо знаком и учеником которого себя называл. Еще при жизни Тургенева Мопассан посвятил ему свой сборник новелл «Заведение Телье», который он предварил дарственной надписью «Ивану Тургеневу — дань глубокой привязанности и великого восхищения».

В коротком очерке Мопассан называет Тургенева «великим русским романистом», «одним из замечательнейших писателей нынешнего столетия», «одним из величайших гениев русской литературы», ставит его в один ряд с Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем. Однако написанное Мопассаном — не литературно-критическая статья, не рецензия, не эссе. Это прежде всего психологический портрет Тургенева, дань памяти не только великому писателю, но и замечательному человеку. Мопассан почти ничего не говорит о писательской манере Тургенева, о том, что определяет его место в русской литературе. Он отмечает лишь «дар могучей наблюдательности» у автора «Отцов и детей», пронизательность писателя, сумевшего предугадать рождение революционных идей в России, запечатлеть в своих романах новое состояние умов, феномен нигилизма. Основное внимание Мопассан сосредоточивает на личностных качествах Тургенева: исключительной честности, прямоты, скромности, искренности, доброте и трогательной наивности, способности всему удивляться. Задушевная интонация в очерке возникает благодаря личным впечатлениям Мопассана, вспоминающего о своей первой встрече с Тургеневым у Г. Флобера. Мопассан воссоздает внешний облик великого писателя, трогательные детали его манеры говорить, держать себя. Тургенев — «настоящий колосс, с жестами ребенка, робкими и осторожными» (Мопассан, 1953: 149). В финальных строчках очерка звучит искренняя боль утраты: «Не было души, более открытой, более тонкой и более проникновенной, не было таланта, более пленительно, не было сердца, более честного и более благородного» (там же: 152).

На смерть Тургенева откликнулись видные представители французской культуры: Э. Ренан, М. де Вогюэ, П. Бурже. Однако вскоре после кончины великого писателя его место во французском культурном сознании как представителя «загадочной русской души» заняли Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский (Corbet: 387). Показательна в этом отношении запись в «Дневнике» Э. де Гонкура от 10 октября 1887 г., где он рассказывает о своем споре с Флобером по поводу произведений Тургенева. Гонкур считал, что в изображении русских Тургеневу недостает варварских, ярких красок, что ему не удалось показать «первобытную грубость его страны». Флобер настаивал на верном изображении русского национального характера у Тургенева. «С той поры романы Толстого, Достоевского и других, мне думается, доказали, что я был прав...» (Гонкур, 1964: 429).

Однако это изменение отношения к Тургеневу во Франции не помешало М. де Вогюэ в своей знаменитой книге «Русский роман» (1886) посвятить ему отдельную главу (которая была первоначально напечатана в виде статьи в «Ревю де де монд» в 1883 г.). В Тургеневе Вогюэ увидел крупнейшего русского писателя, «который сумел быть русским, не порывая с Западом, реалистом, не оставлявшим заботы о форме и стремившимся к идеалу» (Vogüe, 1886: 146).

Вслед за писателями и литературными критиками с 1890-х годов возник устойчивый интерес к Тургеневу и во французской академической среде. Известный славист Луи Леже включил раздел о Тургеневе в свою антологию «Русская литература» (1892) (Leger, 1892). Литературовед Эмиль Оман, автор критико-биографического очерка «Иван Тургенев» (1906), считал, что Тургенев способствовал повороту в культурных отношениях между Россией и Европой, что благодаря Тургеневу «Россия завоевала для себя неотъемлемое место в интеллектуальной жизни Европы» (Naumant, 1906: 308).

Более долгим и сложным, чем во Франции, был путь Тургенева к английскому читателю. Тенденция к культурному изоляционизму на-

ложила отпечаток на восприятие Тургенева в Англии почти на всем протяжении XIX столетия. Снисходительное отношение английской критики и большей части литературной элиты к новым явлениям и тенденциям в европейской (в том числе русской) литературе обусловило поверхностное восприятие творчества Тургенева в Англии почти до конца XIX века (Феклин, 2005: 29).

На исходе XIX века англичане увидели в Тургеневе противоядие, с одной стороны, против слишком натуралистического французского романа, а с другой — против викторианского морализаторства в литературе. Кроме того, как утверждает М. Б. Феклин, изменившаяся на рубеже XIX–XX веков атмосфера поздневикторианской Англии «послужила питательной средой для восприятия произведений писателя. В это время пессимизм Тургенева перестает казаться таким уж инородным явлением, а импрессионистичность его рассказов, повестей и романов становится вполне естественной на фоне широкого распространения импрессионизма в искусстве и литературе» (там же, 229).

Первое значительное по объему эссе «Произведения Ивана Сергеевича Тургенева» в Англии было опубликовано в «Бритиш куотерли ревью» за 1869 г. (т. 50, с. 423–447). Его автор — литературный критик и переводчик Чарльз Тернер много лет провел в России, был преподавателем английского языка в Петербургском университете, прекрасно владел русским языком. В 1890 г. он опубликовал свою вторую книгу о русской литературе (первая «Очерки русской литературы» вышла в 1882 г. и охватывала период от Ломоносова до Некрасова) «Современные русские романисты», в которую, наряду с главами о Гончарове, Достоевском, Толстом, Короленко и Гаршине, вошла глава о Тургеневе (Turner, 1890). Глава представляет собой аналитический обзор творчества русского писателя. Тернер акцентирует внимание на романах Тургенева, оставляя в тени «Записки охотника» и «Стихотворения в прозе». Значительная часть обзора — это характеристика шести романов русского пи-

сателя («Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», «Дым», «Новь»), которые в своей совокупности, по мнению Тернера, «дают общую картину наиболее критического момента истории современной России» (ibid.: 38). Тернер констатирует, что И. С. Тургенев — единственный русский писатель, приобретший общеевропейскую известность. Вместе с тем успех писателя в России Тернер объясняет тем, что он среди писателей своего поколения стал самым ярким и последовательным продолжателем пушкинской традиции в русской литературе (ibid.: 39).

Особую заслугу Тургенева Тернер видит в том, что он с величайшей точностью воссоздал в своем творчестве русский характер, свойственную русским веру в Бога, их нелюбовь ко всякой аффектации, долготерпение перед лицом несправедливости, умение стойко переносить жизненные тяготы (бедность, болезнь и т. д.) и достойно встречать смерть (ibid.: 40).

В 1878 г. Генри Джеймс опубликовал книгу эссе «Французские поэты и романисты», в которую был включен очерк о Тургеневе. С точки зрения Г. Джеймса, талант Тургенева ярче всего проявился в его малой прозе — повестях и рассказах, хотя он знаком и с романным творчеством русского писателя (в тексте статьи упоминаются романы «Рудин», «Дым»). «Записки охотника» — «самая привлекательная его вещь», как утверждает Джеймс (Джеймс, 1981: 498). Подобно Просперу Мериме, Джеймс отмечает и высоко оценивает психологизм тургеневской прозы, тонкую наблюдательность и беспристрастность автора, свойственное ему мастерство детали и точного, ясного повествования. «У Тургенева страсть к точности, к четкому изображению, к предельно ясным примерам» (там же: 494).

Вместе с тем в отличие от Мериме, которого, как уже говорилось, Тургенев интересуется прежде всего и главным образом как художник, Г. Джеймс акцентирует нравственный пафос и значение творчества русского писателя. «Записки охотника» получают

столь высокую оценку Джеймса не только за их бесспорные художественные достоинства, но и за то, что в них «нравственное содержание придает смысл форме, а форма подчеркивает нравственное содержание» (там же: 498). По мнению Джеймса, «Записки охотника», не являясь гневным памфлетом, оставаясь «беспристрастным произведением искусства», поэтической картиной, в которой мрачные краски приглушены, тем не менее внесли важный вклад в освобождение крестьян в России. В трактовке Джеймса, палитра Тургенева богаче, чем в описании Мериме. Тургенев не только тонкий лирик, замечательный психолог, пристальный наблюдатель, но и сатирик, высмеявший в своих романах «модные умствования, характерные для его соотечественников», создавший галерею гротескных фигур в романах «Отцы и дети», «Дым».

Нарекание Джеймса вызывает пессимизм Тургенева, который, по мнению автора статьи, «смотрит на жизнь очень мрачно». Джеймсастораживает слишком мрачный колорит некоторых рассказов автора «Записок охотника». Трудно сказать, какой критерий — эстетический или нравственный — лежит в основе этой критики. С одной стороны, Джеймс полагает, что «слишком густая чернота — рассудочна, искусственна, она не рождена непосредственно самим событием» (там же: 500). «Нам дорог тот «реалист», который помнит о хорошем вкусе, тот певец печали, который помнит о существовании радости» (там же). Сгущая темные краски, Тургенев нарушает эстетические требования «хорошего вкуса». С другой стороны, в критике Г. Джеймсом тургеневского пессимизма дает о себе знать «этизм» Джеймса, его глубокое убеждение в том, что мораль охватывает всю совокупность человеческих отношений. Джеймс воспринимал мир сквозь призму этических категорий, как арену извечной борьбы Добра и Зла, в чем проявилась его тесная связь с традицией американского романтизма (особенно Н. Готорна) и пуританской этики. В рассказах Тургенева Джеймсу недостает веры в конечное торже-

ство Добра, хотя он и вынужден признать, что манера русского писателя «вполне отвечает настроению, какое чаще всего владеет большинством людей», что в пессимизме Тургенева заключена подлинная мудрость, помогающая понять мир в его многообразии и противоречивости.

В статье Джеймса присутствует элемент литературного портрета. Джеймс не ограничивается характеристикой и оценкой творчества Тургенева. Он стремится дать читателям представление о личности писателя: Тургенев — «гражданин мира» и «аристократ духа», обаяние его таланта — в «сочетании аристократического духа и демократического ума».

Академическое изучение русской литературы в Англии началось позже, чем во Франции. Изучение русского языка в Оксфордском университете было введено в 1889 г. Здесь велика заслуга Уильяма Морфила, который с 1900 г. возглавил кафедру славянской филологии. В своей вступительной лекции к курсу славянских языков Морфил назвал Тургенева «великим романистом» (Morfill, 1890: 31).

Таким образом, почти до конца XIX столетия в двух крупнейших европейских странах Тургенев воспринимался как центральная фигура современной русской литературы, а иногда и шире — как носитель характерных черт славянской ментальности (Эрнест Ренан, Поль Бурже). Между тем «образ Тургенева» во Франции был отчетливее, чем в Англии, что было обусловлено его большей связью с французской литературной средой (показательно, что Г. Джеймс включил очерк о Тургеневе в книгу «Французские поэты и романисты»). Приоритет в области перевода произведений русского писателя на западноевропейские языки принадлежит французам (Шарьер, Делаво, Мериме), однако интенсивность последующей деятельности английских переводчиков Тургенева была не меньшей, чем у их французских коллег (особенно благодаря Констанс Гарнетт). Во всяком случае, Англия уже к 1922 г. имела полное собрание художест-

венной прозы Тургенева, в то время как во Франции его не было до 1935 г.

Во Франции пик известности Тургенева пришелся на 1870-е годы, а после смерти писателя (1883) его место крупнейшего представителя русской литературы в сознании французов быстро заняли другие (прежде всего Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский). В Англии же, напротив, именно на 1880–1890-е годы пришелся пик интереса к творчеству Тургенева, пессимистическая интонация которого, близость в некоторых отношениях к переживавшему в эти годы расцвет импрессионизму делали русского писателя созвучным новым идейно-художественным устремлениям поздневикторианской Англии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гонкур, Э. и Ж. (1964) Дневник : в 2 т. М.
 Джеймс, Г. (1981) Иван Тургенев // Джеймс Г. Женский портрет. М.
 Ладария, М. Г. (1987) И. С. Тургенев и писатели Франции XIX века. Тбилиси.
 Мериме, П. (2003) Статьи о русской литературе. М.
 Мопассан, Г. де. (1953) Рассказы и статьи. М.
 Тургенев, И. С. (1961) Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. М.-Л.
 Фекин, М. Б. (2005) Тургенев в Англии: первые полвека. Нижний Новгород.
 Corbet, Ch. (1967) L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). P. : Didier.
 Haumant, E. (1906) Ivan Tourguénef. Sa vie et l'oeuvre. P. : Colin.
 Lamartine, A. de (1867) Cours familial de littérature. Revue mensuelle. XXIII. P. : Chez l'auteur.
 Leger, L. (1892) La Littérature russe. P. : Armand Colin.
 Morfill, W. B. (1890) An essay on the importance of the study of the Slavonic languages, being the inaugurate lecture delivered before the University of Oxford. L.
 Turner, C. E. (1890) The modern novelists of Russia. L. : Trübner.
 Vogüé, E. M. de. (1886) Le roman russe. P. : Plon.